

ЧАСТЬ I. БЕЗ НАЗВАНИЯ

Когда тебе за восемьдесят, когда беспримерный эгоизм и регулярные дефекации по утрам не воспринимаются еще как чудо, единственное, что парит, — не-

преодолимое желание знать, что можно, а чего уже нельзя.

В феврале мне сказали: «У вас опухоль прямой кишки¹. Странно,

¹ Рак прямой кишки занимает второе место в мире по частоте заболеваний и количеству смертей среди онкологических больных.

но я был готов к этому и не стал погружаться с головой в безумие и ужасающую боль, неряшливо отмеренные мне кем-то вместе с убийственным диагнозом. Я не озаботился перспективой скорой смерти. Меня обеспокоило другое — тягостные

обстоятельства и неудобства, что станут сопровождать прогрессирование опухоли: кишечная непроходимость, метастазы, предстоящая операция, по травматичности превосходящая все мыслимые границы человеческих возможностей. А еще унижение, стыд и, как ни странно, позор, что придется постоянно испытывать при встрече с нормальными людьми, будто у тебя цветущий сифилис и СПИД вместе...

Удивительно, но, обескураживая себя самого, я прошел через все это. Сейчас я здоров, тьфу, тьфу, тьфу, если такое возможно в онкологии. Как это случилось? Не знаю. Но то, что знаю, попытался сформулировать в текстах, которые, надеюсь, станут не только еще одной литературной забавой, но и попыткой переосмыслить действия людей, не желающих мириться с болезнью.

ЧАСТЬ II. ПАРКЕР

Пять или шесть мужчин от сорока до семидесяти, до боли похожие друг на друга заношенными лицами и одеждой, сидели перед дверью, крашенной белым, с табличкой «Онколог».

— У вас аденокарцинома прямой кишки, — сказал врач, стараясь не смотреть на меня.

Твою мать! Мир не рухнул. Мускулом не повел. И пять или шесть мужиков в коридоре тоже не дрогнули, не заорали, как Иван Ильич у Толстого: «Ааа!»

— Вы третий, кто говорит мне это сегодня. Я уже привык.

— Тепер вы будете слышать это постоянно. Мы приготовили для вас стандартную противораковую терапию. Вам предоставят отдельную палату, «зеленый коридор», никаких задержек...

— Зеленый коридор, никаких задержек, лучевая терапия — это

ваши косяки. Мы оба знаем: там, в конце зеленого коридора, нет света. Нет и не было никогда!

Я почувствовал движение. Кто-то огромный переминался за спиной, пахнул сумасшедшим здоровьем и силой. Я не стал оглядываться: спинка стула упиралась в больничную стену...

Онколог впервые посмотрел мне в лицо:

— Без операции вы протянете года полтора-два от силы. С операцией — лет пять... Только имейте в виду: у вас не острый аппендицит, где — бац — достал отросток и здоров. Вам предстоит серьезные испытания, порой настолько мучительные, что большинство их просто не выдерживают, предпочитая скорую смерть, которая любит приходиться не вовремя.

Казалось, онколог никуда не спешит. Его не ждут мученики-больные в коридоре. Даже я не очень ему интересен. Он поглощен какой-то своей сверхзадачей, как герои в пьесах Теннесси Уильямса.

— Вместе с убийственным диагнозом некоторые из таких, как вы, получают еще кое-что.

— Что, каждому выжившему администрация дарит Maserati в качестве бонуса?

— Ваш? — неожиданно поинтересовался онколог, глядя на стену.

Я не стал оглядываться, зная, что экзистенциальная перспектива за спиной не поменялась.

Ясность попыталась внести разбитная медсестра.

— Вау! — заявила она удивленно, но вопрос со стола не убрала...

Я все-таки оглянулся. Здоровенный живой конь за спиной косил фиолетовым глазом, ярким, как пролитые школьные чернила, подергивал белой шерстью на крупе и пахнул земляничной поляной, нагретой солнцем. И места ему хватало: пейзаж вокруг был беско-

нечен... Под брюхом у жеребца, совсем по-домашнему, болтался здоровенный пенис, похожий на венский кровяной зельц. К нему уже тянулась ладонь медсестры...

— Полтора месяца вас будут облучать по самым продвинутым европейским технологиям, вводить химиопрепараты. Потом выпишут из стационара на каникулы месяца на два, на три. Потом... — Онколог продолжал парить несбыточными надеждами, а мне до смерти хотелось наругать ему, благо лошадиный зельц болтался перед носом. — У вас есть шанс, правда, мизерный, полностью излечиться. А если повезет, появится умение видеть то, что другим самим никогда не увидеть. Станете художником, как Ван Гог, или музыкантом. Сможете проникать в природу вещей, и не только взглядом. Это значит...

— Мне нужна здоровая прямая кишка и регулярные дефекации по утрам, а не умение писать автопортреты! — заорал я, заплывая за буйки.

— Мужчина в коридоре, что сидел справа от вас... сорок три года... рак сигмы... печень нафарширована метастазами. Он хочет пожить еще немного вместе с болями и ради этого готов на все.

— Чужие опухоли, даже если в сигме и в третьей стадии, не сделают лучше мой собственный диагноз и прогноз.

Онколог помолчал, наблюдая за действиями медсестры. Повернулся ко мне:

— К сожалению, вам достался самый худший вариант опухоли как по локализации, так и по прогнозу.

— Умеете утешить.

— Счастье, что вам за восемьдесят и опухоль только набирает силы. Хотя любая раковая опухоль — необычайно сложная система, поражающая виртуозным умением стремительно эволюци-

онировать с момента зарождения. Поэтому ни в одном организме нет двух одинаковых раковых клеток. Эта удивительная способность меняться, приспосабливаться к любым условиям, делает раковые клетки практически неуязвимыми. К тому же они научились молодеть почти на глазах. У них нет сердца, так что нож, даже при желании, некуда воткнуть...

— Почему я испытываю такой ужас перед ее локализацией?

— Область малого таза у мужчин, где расположена прямая кишка с ампулой и предстательная железа, — особое анатомическое образование, в котором сосредоточена темная, слепая, сложно усредненная субстанция. Ее сакральная, а может, божественная суть и предназначение были известны еще до Ветхого Завета и всячески поощрялись... и церковь тоже. Эта субстанция управляет нами на условиях сложного взаимного партнерства. Причем доминирующую роль в управлении играет не предстательная железа, как полагают многие, а прямая кишка... ее ампула.

Я понимал, для провинциального онколога, мой — слишком продвинуто. А он продолжал косячить:

— Вспомните, что амфора, за которой тамплиеры гонялись по свету, уничтожая все на своем пути... что сосуд, куда по преданию была собрана кровь Христа... что кубок, чаша... — все суть ампулы, как ни кощунственно это звучит.

— Чуть не кончила, — напомнила о себе сестра, поглаживая стол. — Похоже, ты тоже в доле, чувак. — Она посмотрела на меня.

Я не стал спрашивать, кто еще?

— Лиза, смущайся иногда, — попытался приструнить сестру онколог.

А она встала, подошла к коню. Потянула за изжеванный сырмятный шнурок с кусочком чего-то, похожего на отломок щебенки на конце, что свисал изо рта вместо уздечки.

— Мобильный навигатор, наверное, — сказала сестра. — У нас на хуторе гуляющим коровам похожие надевают...

— Меня зовут Traveler — Бродяга, — сказал конь и махнул хвостом. — Вместе с генералом Ли в Гражданскую войну мы сражались на землях конфедератов. Два раза генерал возглавлял вторжения на территорию Севера, но оба раза неудачно. Однако нам удалось потрепать наступающую армию генерала Гранта, но остановить его мы так и не сумели, и он был вынужден капитулировать... кажется, в Аппоматтоксе, что на юге Соединенных Штатов.

«География — это судьба», — подумал я.

— Почти сто лет назад нам с генералом поставили за это памятник в Шарлотсвилле, — продолжал конь, стараясь не пожимать плечами. — Правда, потом... Вообще мое настоящее имя — Паркер. Бродяга — кликуха, которую дал мне генерал из-за склонностей лошадиного характера.

— Гонишь! — Сестра, видимо, не до конца въезжала в происходящее.

— Генерал Ли водил дружбу Марком Твенем, — гнул свое конь.

— Нет, — сказал онколог, накачанный «Википедией». — Марк Твен водил дружбу с генералом Грантом, который фанатично заботился о своем здоровье.

— Да, — подтвердил я. — Знаменитый писатель пошутил однажды по этому поводу: «Будьте осторожны при чтении книг о здоровье, генерал. Вы можете умереть от печатки».

А белобрый коняга, намазывался за сто лет одиночества, болтал не переставая, как носили им памятник, но так и не снесли, как убивали Мартина Лютера Кинга и убили-таки. А GPS на сырмятном шнурке — не просто навигатор, а девайс, переносящий владельца во времени и пространстве в выбранную точку позиционирования.

— У вас скоро такие тоже появятся, — закончил он наконец.

Я понимал, что схожу с ума, и было от чего. И что единственным спасением остается онколог.

— Что все это значит, коллега? — попробовал поинтересоваться я ватными губами.

— Знаю не больше вашего... Возможно, это и есть то самое «кое-что еще», о котором говорил. Кроме лошади, это может быть номерок от пальто из театрального гардероба, забытый телефон или старый трамвайный билет... Короче, промысел Божий, если угодно. — Он строго посмотрел на сестру. — Зовите следующего, Лиза...

ЧАСТЬ III. ЕСЛИ НЕ ЗНАЕШЬ, ЧЕГО ХОЧЕШЬ, МОЖНО ДОБИВАТЬСЯ ЭТОГО ВСЕМИ СПОСОБАМИ

А конь, если это и было «кое-что еще», о чем говорил онколог, сгинул. Я валялся на функциональной кровати в палате-одиночке, привычно стараясь доплонуть до потолка, и ждал то ли знака на стене, то ли записи в iPad'e с инструкцией, как встать вровень с просвещенным веком и умереть здоровым и богатым. А еще постоянно спускался на первый этаж к лучевой пушке, что стояла без тени улыбки на лице, серьез-

ная и строгая, будто охранники первого лица.

— Привет, чувак! — молча говорила она, покачивая жерлами.

Сестры рисовали на моем животе крестики-ориентиры для компьютера и оставляли одних. Подумав, компьютер начинал вращать жерла по программе, известной ему одному. Периодически пушка всхлипывала, как засорившаяся раковина на кухне.

«Может, она и есть “кое-что еще” вместо сгнувшего коня?» — думал я, трепетно вслушиваясь в хаотичные звуки, будто не пушка, а живой Ростропович исполняет двадцатый концерт Моцарта в Пушкинском музее...

С химиотерапией было сложнее. Мне вставляли катетер в вену, клали в карман насос, который в соответствии с программой вводил в организм химиопрепараты. Когда раствор заканчивался, давали новый насос, заполненный новым раствором.

Поначалу организм играючи переносил облучение и химиотерапию, которую для краткости я называл chemistry. И волосы не выпадали, и зубы тоже, что удивляло. Однако вскоре физиология задурела: вначале несильно, а потом так, что перебирался по палате размером в теннисный корт только на четвереньках или, скрючившись, сидел на унитазе, погрузившись в бесперспективные тенезмы, напрочь забыв о волшебных словах и знаках. А потом присоединился уретрит и такой болезненный, что выражение «писать кипятком» казалось совсем необременительным занятием. Я мочился расплавленным свинцом, и крики и стоны лишь подтверждали это.

Меня начали кормить таблетками. Помогало. Но после очередного визита к пушке и chemistry все повторялось. Казалось, за

дверью туалета поставили урологическую гильотину, которую по выходным перемещали ко мне домой. Я по-прежнему ненавидел себя и опухоль и не мог решить, кого больше.

Каждое утро приходил онколог. Печально смотрел. Вздыхал. Говорил:

— Давайте попробуем еще этот уросептик...

— Давайте, — соглашался я и свинчивал ноги штопором.

А потом однажды вдруг увидел, что онколог — женщина. Да, да, молодая женщина-врач. Про таких говорят: из хорошей семьи. Миловидная, с прямой спиной и серыми, как лейтенантская шинель, глазами, что казались еще серее на фоне черных волос. Она знала про мою опухоль все.

— Если вам так тяжело после облучения и chemistry, давайте придумаем на время другое наказание, — говорила она без улыбки.

— Давайте! — привычно соглашался я. — А какое?

— Будете учить латышский, как в школе.

Я прикинул, сколько облучений осталось, и согласился.

Через день, помолчав и поведя плечами, она выдала следующий текст:

— Вы относитесь к своей опухоли как к чему-то вредоносному, загадочному, что никак не дается вам в ощущениях. Вам кажется, она правит по своим смертоносным законам, главная цель которых — уничтожить вас.

— Разве у нее есть другие, более миролюбивые занятия? — поинтересовался я.

— Не знаю. Знаю, что вы страдаете от того, что она взаимодействует с вами по неизвестным правилам. Так нам не добиться успеха. Попробуйте приноровиться к ней.

— Приноровиться?!

— Да. Подержите ее хотя бы некоторое время за дружественную вам материю, существо, которое молодо и неопытно. Ее тканевый метаболизм пока также замедлен, как у вас, восьмидесятилетнего. Предложите ей свои правила. Она не знает, как себя вести и что делать.

— Делать с кем?

— С вами... с собой. Совсем не обязательно убивать вас, если она вдруг почувствует к вам расположение.

— Шутите!

— Отнюдь. Только нельзя с самого начала давать ей повод брать верх над вами, иначе жизнь превратится в ад: повторные облучения, операции, бесконечная лекарственная терапия... А приноровиться — значит почувствовать симпатию или просто не замечать, а если удастся доминировать — вы на коне... Кстати, Паркер часто бывает у вас? Хорошо, можете не отвечать.

Несмотря на странности наших отношений, мне казалось, она заблуждается на мой счет. Всякий раз после ее ухода я чувствовал, что начинаю сходиться с ума. Что она вместе с конем, Лизой и онкологом... Нет! Она ведь и есть онколог, только женщина теперь. Красивая умная женщина, которая видит в раковых клетках... Дальше мысль не шла. Придавленный диареей, я кое-как добирался до больничного окна, чтобы броситься вниз. Но так ни разу не смог открыть алюминиевые створки на восьмом этаже.

— Конгломерат раковых клеток в организме есть структура, поведение которой в достижении цели совершенно непредсказуемо. Понимаете, да? — заявила однажды женщина-онколог.

— Нет!

— Давайте по-другому. Раковая опухоль — отвратительная и злобная живая субстанция, поведенческих и структурных аналогов которой на земле нет. Цель ее существования — уничтожить хозяина любой ценой и погибнуть вместе с ним.

— Вы хотите сказать, что у раковых клеток-самоубийц неземное происхождение? Со всей атрибутикой, присущей инопланетной материи?!

— Возможно.

— Значит, я должен полюбить своего палача from another planet?

Похоже, она не умела улыбаться.

— Зато теперь у вас — собственный палач. Пока вы живы, конечно. — И строгая, стояла в дверном проеме, будто на корте, контролируя пространство над сеткой в ожидании неберущейся подачи соперника...

В одну из ночей появился Паркер, разлегся рядом с функциональной кроватью и принялся стричь ушами. Я не был готов к визиту и спросил, стараясь сохранять спокойствие:

— Ну, колись, что привело тебя сюда, старик? Собрался спешествовать в делах? Принес шагреновую кожу?

— Какую кожу, чувак? — Конь явно не читал Бальзака. — Собири в кулак свои адаптивные свойства и попробуй войти в контакт с опухолью. Это было бы интересно обоим.

— Это возможно только после вскрытия, — попробовал отбиться я.

Он не успел ответить, потому что в палату вошла ночная сестра с пачкой таблеток. Паркер засобирился под функциональную кровать, под которой не поместился бы даже пони. Сестра повела носом:

— Вы что, охотились здесь? Пахнет неубитым кабаном.

Паркер завозился под функциональной кроватью, будто решил лечь валетом с кабаном.

Я собрал в кулак свои адаптивные свойства в попытке начать любить аденокарциному, как любят Диккенса, не читая. Не вышло. Я не то чтобы ненавидел ее. Мне просто было неинтересно, будто читаешь «Что делать?». Я не понимал ее и не хотел понять. Она, видимо, платила тем же...

Только постепенно адаптивные свойства прибавлялись, будто вправду смог собрать их в кулак. Мне стало интересно с ней. Что она выкинет еще? Как отреагирует на мои старания? На старания лучевой пушки и chemistry? Простит ли Чернышевского? Я обратил внимание, что волосы на голове, которые за последние двадцать лет поредились сильно, и лысина на темени была размером с ладонь, и такая же голая, начали стремительно расти и густеть. И плечи расправились, и согнутые колени тоже. Исчезли... ну не исчезли — разгладились мешки под глазами. Перестала болеть спина, что мучила, не переставая, с теннисных времен. Только диарея и жидкий свинец в мочевом пузыре доставали с прежней силой. А тяга к дорогому виски после операции исчезла полностью, и к дешевому — тоже. Зато вернулась забытая любовь к водке... любой.

— Похоже, тебе удалось на практике реализовать тезис любви к опухоли, чувак, — заметил как-то Паркер из-под функциональной кровати, где вместе с кабаном проводил теперь большую часть времени.

Он походил на сказочного дракона с GPS вместо крыльев и неистребимой верой в человеческие ценности, почерпнутые у генерала конфедератов Роберта Ли.

— Думаешь? — почти задыхаясь от счастья, прошептал я, наплевав на ночную сестру. — Мне кажется, любовь становится взаимной. Не слишком ли ей досаждают chemistry и лучевая терапия?

Утром онколог притащилась ни свет ни заря в сопровождении двух процедурных сестер:

— В пятницу — домой. Каникулы — два месяца. Сейчас сестры достанут из вас катетеры.

Я вытащил голову из-под кровати, где тщетно искал Паркера и кабана, и взглянул на себя, увешенного катетерами, насосами chemistry, почти невидимого из-за подставок для переливания жидкостей, и засобирился...

ЧАСТЬ IV. SURGERY

Прошло два месяца. Собрался онкологический консилиум, чтобы вынести вердикт перед операцией. Их пятеро за столом, не считая Лизы. Слава богу, Паркер не явился постричь ушами. На меня никто не смотрит — только женщина-онколог.

— Странно, — говорит она. — Опухоль значительно уменьшилась. Мы говорим в таких случаях — подобралась, и лимфоузел, что был в малом тазу, исчез. — И сразу, предупреждая мой вопрос: — Странно, потому как вы не тот человек, который способен бороться за свою жизнь вместе с нами, лучевым оборудованием и chemistry.

Я никогда не слышал более уместной, заслуженной и честной характеристики собственной личности. Только благодарить онколога не стал. Хотя не уверен, правильно ли мы оба восприняли сказанное.

— В понедельник вас госпитализируют. В среду — операция. — Она помялась: — Сейчас

мы не можем сказать, будет ли наложен противоестественный задний проход. С хирургом вы знакомы. Мне сказали, что даже ходите в друзьях.

— Не слишком ли я стар для подобной операции? — поинтересовался я. — Мой преклонный возраст...

— Когда-то мы оперировали старуху с опухолью прямой кишки, — строго перебила она.

— Ну и что? — не слишком деликатно поинтересовался я.

— Ей было девяносто два года. — Онколог продолжала хмурить брови.

— Хотите сказать, что бабулька не умерла на столе и протянула еще несколько недель после операции?

— Почему несколько недель? Она до сих пор жива. Сто четыре года, если угодно. — Онколог впервые улыбнулась, и мне расхотелось умирать...

— Опухоль растет за счет собственных клеток организма хозяина. Ей просто больше не из чего расти...

— Ну и что? — Я был удручающе груб и однообразен в вопросах.

Но она не обращала на это внимания.

— ...не из чего расти, — продолжала она. — Здоровые клетки старого изношенного организма хозяина не могут дать юное быстро прогрессирующее потомство, способное погубить человека в течение нескольких месяцев. Понимаете?!

— Похоже, пора браться за «Анти-Дюринга». Глава про диалектику...

Как прошла операция, было ли больно и шло ли все гладко — не знаю. Проснулся покойником, если это называется «проснулся», и, еще не дыша, полез проверять, наложен ли *anus praeternaturalis*. К счастью, нет...

Я валялся в реанимации, самом страшном и ужасном департаменте университетской клиники, где с тобой обращаются как с трупом — по-другому нельзя. Потому что если как с живым — недолго и умереть. А может, просто казалось? А еще казалось... Я вдруг увидел, как оперирует хирург. Как реzeцирует участок толстой кишки, как накладывает анастомоз... Кажется, инструменты не касаются тканей. Их просто нет. В работе участвуют только голые руки. Так монахи из монастыря в Шяуляе разбивают ребром ладони полдюжины кирпичей, уложенных друг на друга. Самое удивительное, что кирпичи превращаются в крошку за мгновение до того, как ладонь монаха касается их... По крайней мере, в моем перегруженном фентанилом и газовыми анестетиками мозгу, страдающем от гипоксии и болей, которых я не чувствовал, рисовалась именно такая картина маслом.

На каждое мое движение или стон к кровати сбегался персонал и начинал заботиться. И так старательно и мучительно, что хотелось поскорее умереть по-настоящему. Останавливало отсутствие дыры там, где должен был располагаться противоестественный задний проход.

Когда персонал успокаивался и расходился по своим местам, появлялась бабка в дворницком фартуке с метлой и дымящейся папиросой. «Кровь на сахар! Кровь на сахар!» — бормотала она. Вытаскивала из-под простыни мою руку, находила средний палец и пыталась проткнуть кожу толстым гвоздем. Мне казалось, она сует гвоздь в грудную клетку, прямоком в миокард.

«У меня никогда не было сахарного диабета», — шептал я, возможно, про себя, и, пытаясь

сопротивляться, слабо дергал кистью...

В свободное от забот время я не лежал сложа руки. У меня была прекрасная возможность видеть воочию все, что пожелаю, благодаря остаточным эффектам фентанилового наркоза. Я предвкушал наслаждение, однако «показывали» всегда один и тот же надоевший сюжет: беженцы из Юго-Восточной Азии поодиночке или парами на надувных плотках с черного хода проникали в операционную, оттуда — в реанимационную и застревали там ненадолго.

— Смотри! — пенял мне персонал. — Эти люди уходят через час-полтора после операции своими ногами. А ты валяешься здесь двое суток и никак не придишь в себя.

Откуда им было знать, что подружка-опухоль, я звал ее Раиса Павловна — РП, торчала от фентанила со страшной силой. Она заставляла меня бродить по реанимации, находить на полу пятна фентанила, наступать в них, и тогда мы оба начинали колбасить...

Меня наконец перевели в палату. Я почти сразу перестал температурить. Потребовал еду. Однако был настолько слаб, что ни пить, ни есть не мог. И лежал с сухим, как терка языком, и не старался доплюнуть до потолка.

Меня кормили смесями, чтобы не умер с голоду, и все равно похудел на десять килограммов. К тому же съеденное выходило короткими толчками из прямой кишки, пачкая одежду, не доставляя удовольствия ни мне, ни окружающим...

Раиса Павловна первые дни тоже помалкивала. Потом я понял, что ее удалили вместе с опухолью, тазовой клетчаткой и лимфоузлами. Теперь на ее месте был кишечный анастомоз, наложен-

ный американским одноразовым шивающим аппаратом, который придумали еще в СССР, но забыли запатентовать...

Прошла неделя, потом еще одна. Я по-прежнему был слишком дохлым, чтобы говорить о выписке. Из прямой кишки текло тонкой струйкой. Есть не хотелось — только спать, и я спал: с открытыми глазами, с закрытыми...

— Так нам не выкарабкаться, чувак, никогда, — услышал я однажды голос РП и сразу понял, что все было напрасно: опухоль вернулась и мне предстоит то, чего я боялся больше всего: повторные операции, облучения, chemistry, etc... и в конце — мучительная смерть.

— Откуда вы взялись, Рая? — в ужасе спросил я, стараясь быть вежливым.

— Не бзди, чувак! — успокоила она, с удивительной точностью копируя Лизу, в которую, похоже, была влюблена. — Я вернулась.

— Не дурите, Рая. Пожалуйста. Меня заверили, что организм чист. И результаты клинических исследований подтверждают это. И ЯМР, и компьютерная томография, и анализы крови. В организме нет раковых клеток. Нет!

— Остынь! Раковые клетки есть даже в организме новорожденных. К тому же теперь я не опухоль. Я одинокая юная раковая клетка.

— Кто, кто вы, Рая? — вяло поинтересовался я, озабоченный внезапно активизировавшейся прямой кишкой...

— Если в терминах квантовой физики — я элементарная частица. Из таких, как я, как ни печально это звучит, сотворен мир... вся Вселенная, если угодно.

— Эйнштейн говорил: объяснять мир нужно просто, но не проще.

— Я и объясняю. Вселенная устроена необычайно просто и разумно. Разумнее не бывает, хотя никто не знает автора. Поэтому всякий возникающий биологический или органический мир, чтобы состояться, чтобы выжить, должен успеть адаптироваться к существующему мировому порядку с учетом своих видовых и психологических особенностей. А чтобы поспособствовать эффективной адаптации в масштабах Вселенной, Творец в основу всего живого поместил протеиново-нуклеиновый комплекс — клетку, которая построена из тех же элементов, что и мироздание, которое можно представить как одну гигантскую клетку без начала и конца. — Раиса Павловна замолчала в желании убедиться, что я периодически въезжаю в ее тексты, и продолжала: — И каждая частица этой клетки-мироздания даже в самом дальнем захолустье чужой галактики знает все, что происходит и происходило с мириадами частиц в любом другом уголке Вселенной. Знает все про меня, про тебя... Врубаешься? Поэтому не парься моей навигацией...

Кстати, не знаешь, где Лиза? Третий день ищу. А конь... симпатяга такой. На скачки не посылал? Почему? Он мог бы зарабатывать там со своим GPS.

— Рая! Вам-то это зачем?

— Ну, Лизу интересуют деньги...

— Деньги — грязь.

— Возможно, но — лечебная...

Меня все-таки забрали домой. Я обещал вести себя прилично. Много есть, гулять и спать. Все однако давалось с таким трудом, что трехминутный выход на дачный проспект в пижаме и тапках воспринимался как подъем на Килиманджаро.

За месяц ничего не поменялось. Изматывающая диарея, депрес-

сивные мысли в надежде увидеть свет в конце туннеля не прибавляли оптимизма. Болела промежность. Запоры сменялись... сами знаете чем. Но главное... главное, все в округе знали про РП, про мою болезнь, да и мой внешний вид красноречиво говорил, что не здоров, что мне неловко встречаться с соседями, что готов со стыда... etc. Дачники при встрече мялись неловко, переступали ногами, говорили что-то невразумительное, что не требовало ответов. Или наоборот, заводили удручающие разговоры про знакомых онкологов, что вылечили десятки запущенных форм рака, про знахарей, шаманов и, конечно, про умниц-доцентов с их волшебными цитостатиками.

Единственной отрадой в дачном существовании была крепнущая дружба — если такое возможно, конечно, — с РП, которая все больше проникалась человеческой жизнью... конкретно моей: болями, которые не требовали обезболивания, но постоянно напоминали о себе, нарастающей депрессией, не утихавшей диареей... про остальной букет лучше не вспоминать.

— Рая, — осторожно интелесовался я всякий раз. — Как там у меня внутри? Вы не пустили корни, дорогуша?

И всякий раз следовал ответ:

— Don't be in a funk, man! Не ссы в бредень, чувак!

Я все больше привязывался к Рае, а она... про такое не спросишь, даже у нее. И платил лишь тем, что бережно относился к юной опухольной клетке, что была совершенно непонятна. Возможно, для себя — тоже. А однажды рассказал ей, как лучевая пушка, чтобы не сильно беречь растущую опухоль, выбирала программу, в соответствии с которой луч не проникал в толщу

опухоли, а скользил по поверхности...

Она долго молчала. И на следующий день тоже. Но я понимал, что Лизе здесь я не конкурент.

Мы все чаще прогуливались по молу вдоль Гауи-реки, построенному на деньги Евромиссии. Месте удивительно красивом и романтичном даже для моей одноклеточной подруги. Здесь на одном гектаре собрались вместе река, море, сосновый лес, несколько озер с рыбой, грибы...

Мы шли обычно вчетвером: я с Раяй и Паркер с Лизой. Не думаю, что дачники видели Паркера. По крайней мере, ни на одном из многочисленных селфи, сделанных мною, его не было видно. Но даже если видели, старались не реагировать. Лиза обычно не вызывала интереса соседей, если не начинала сама приставать к ним. А Раису Павловну так просто и не разглядишь. Разве что на дисплеях в туннелях Большого адронного коллайдера, который в Берне...

Из-за непредсказуемого поведения прямой кишки, предпочитающей боевые патроны холостым, прогулки носили кратковременный характер.

— Пойми, чувак, — парила меня изнутри Рая. — Мы оба новички в том, что случилось с нами. Я — слишком юная, ты стар, чтобы самостоятельно решать, насколько перспективен наш роман. Так ли важна взаимная симпатия и дружба между нами до гробовой доски, прости, или отсутствие коррупции и конкуренции интересов?

— Я все это узнаю очень скоро, Рая, — пытался понять я самого себя. — Даже не дожидаясь отправки в морг: по самочувствию, по клиническим анализам...

Конь остановился помочиться и сделал это с таким шу-

мом и старанием, будто поливочная машина. Лиза мечтательно смотрела на могучую струю. Ее заворезывала физиология Паркера.

Мы добрались до железнодорожного моста через Гаюю. Электричка с дачниками резво выстукивала на стыках из Окуджавы: «Встань пораньше. Встань пораньше. Встань пораньше...»

— У каждого пятого мужчины в электричке — опухоль, — начал было я.

— Ты считал? — спросила Лиза.

— Я читал.

— Я не знала, что ты умеешь читать.

А РП сказала изнутри, подводя напоследок итоги:

— Его интересуют подлинные значения вещей, то есть факты, а не вещи как таковые. Сечешь поляну, Лизавета?

Лиза не знала, что ответить. Ответил Паркер, которого доставали наши разговоры:

— Хотите факты, подлинную суть вещей? Пожалуйста, из законов Питера с Паркинсоном: «Многие могут свести лошадь к реке на водопой. Но не многие смогут научить ее плавать на спине».

— Ты имеешь в виду себя? — спросила Лиза, безуспешно пытаясь взобраться на спину Паркеру.

— Я не несу ответственности за ваших лошадей, — сказал Паркер. — Генерал Ли, пока был жив, любил повторять: «It is too late to lock the stable-door when the horse is stolen». Только наш чувак вряд ли выиграет в сделке с одноклеточным. Питер с Паркинсоном были правы: легче выучить лошадь плавать на спине, чем побороть аденокарциному прямой кишки.

Конь притормозил, встал на дыбы. Опустился, и вмиг Лиза очутилась у него на спине в роскошном дамском кожаном

седле. И сидела боком, с прямой спиной и гордо поднятой головой на такой длинной шее, что оторопь брала. И сказала с интонациями русской аристократки:

— Это вопрос приоритетов, господа. Отказавшись от традиционной противоопухолевой терапии, мы пошли другим путем, как говорил Владимир Ильич.

Повела шеей и РП, пребывавая в одной из кладовок Вселенной или моем малом тазу, сказала, заходясь в революционном экстазе:

— Не думаю, что в лечении опухолей следует руководствоваться заветами покойного вождя. Lord forbid!

— Если бы следовали, жили в другой стране: благополучной и счастливой своими онкологическими больными, — не сдается Лиза.

Вместе с Паркером она стоит на молу, построенном на деньги Евросоюза неподалеку от Рижского залива, и оба менее всего походят на лошадь и всадника. Это может быть что или кто угодно: лодка с рыбаком, распутывающим леску спиннинга, пустая больничная палата с незастеленной функциональной кроватью, лучевая пушка, бесшумно вращающая жерлами-губусами по команде компьютера, мальчишки, побивающие камнями здоровенную лягушку, ветер, хлопающий дверью на веранде, роскошный Bentley, бесшумно свернувший в переулок, телефонный звонок из кармана чужих штанов...

Меня вдруг осенило:

— Рая, вы обсуждаете с коллегами наши отношения?

— Ты имеешь в виду опухолевые клетки со стажем, что живут в других пациентах?

— Нет, во мне! Какие у вас отношения с ними? Вы можете самостоятельно принимать реше-

ния или все решается коллегиально с учетом множества неучитываемых факторов?

— Мы с тобой первопроходцы в этом бизнесе, чувак. И хотя по сравнению с тобой я чувствую себя библиотекой Конгресса США, знаю не больше твоего про эффекты нашего романа. Здесь главное — правдоподобное объяснение для публики.

— Для дачной?

— Любой... и той, что в тебе — тоже. Поиск истины значительно ценнее, чем обладание ею.

С этим было трудно не согласиться. Мне показалось, Раиса Павловна не ведаёт рефлексий и сомнений.

ЧАСТЬ V. JAM SESSION AFTER THE SURGERY

— У вас, людей, нет единой системы ценностей, — говорит одноклеточное, удобно расположившись в воротах моей печени, и я опасаясь, не приведет ли это к ранним метастазам. — И не потому, что они выдохлись или срок годности вышел, как у лекарств, — продолжает она. — Ваши ценности размылись, стали irrelevantны, несущественны. Добро не отличить от зла, подлость — от достоинства и чести, образованность — от кондовой безграмотности. Часть онкологических больных предпочитает услуги знахарей. А число людей, которые верят, что солнце вращается вокруг земли, сравнялось с теми, кто в этом еще сомневается.

— Если про ценности, — говорит Лиза, — то это к Паркеру. Он у нас специалист по истинам, сроку годности и стоимостям.

Мы бредем по молу. Сыро, ветрено. Паркер отлучился по мужским делам в богатую конюш-

ню в пригороде и, презрев охрану, иноходью, как-то боком, движется к стойлу любимой кобылы, вызывая всеобщий переполох.

— Мне в лом человеческие ценности, — говорит Лиза, чтобы что-то сказать. — Они всегда формировались в соответствии с пожеланиями власти.

— Глупо! Эйнштейн как-то заметил: «Two things are infinite: the universe and human stupidity; and I'm not sure about the universe», — блещет эрудицией одноклеточное. Поворачивается ко мне, чтобы продолжить панегирик: — Старая идея, будто человек есть некая самоценность и что самое ценное в нем его автономия и личная свобода, не канает, — выдает текст РП. — Знаешь, почему?

Я не собирался отвечать, лишь подумал: «Staff and nonsense».

— Самое ценное в человеке — его жизнь, что дается ему всего один раз. Далее — по первоисточнику. — РП перебралась в малый таз — самое чувствительное и тревожное место мое с порушенной топографической анатомией.

С этим было трудно не согласиться. Мне показалось, за спиной Раи растет толпа таких же, как она, одноклеточных, не ведающих рефлексий и сомнений. Однако усомнился. Счастье — это реальность, в которой нет ожиданий. Это значило только одно: РП ничего не стоит, похерив наш роман, завести интрижку с таким же одноклеточным пареньком, как она сама, или сразу с несколькими, что более перспективно. А потом, объединившись в здоровенную аденокарциному, приняться за недоделанное старое — рассылку метастазов и обтурацию просвета кишки. Причем собственные желания Раисы Павловны при таком раскладе могут и не учитываться. Терпение вместе с любовью трещит по швам, и я опрометчиво

позволяю себе некоторую вольность:

— В моем положении глупо думать о судьбах человечества, Рая. Секрет выживания в лицемерии. Чем реже люди говорят, что думают, тем легче им ужиться друг с другом.

— Да, здесь ты прав, как никогда, — соглашается РП. — Я подзревала с самого начала, что ты любишь меня только на бумаге.

— Рая! — начинаю париться я. — А как мне прикажете любить вас? В койке? На операционном столе? Ваши сексуальные заблуждения зашли так далеко...

— Продолжай!

— Наши физиологии и размеры настолько разнятся, что...

— Чего ты манерничаешь с ней? — вмешивается Лиза, взвинченная долгим отсутствием Паркера. — Запомни, никакие желания не сбываются до конца в этом мире, как говорил Гюго. А ты стелешься! Пойми, она не принимает решений: замочить тебя прямо сейчас, отправив метастазы в мозг, или дать пожить еще. Она простое одноклеточное, как мило ты ее называешь. Опухолевая клетка, частица мироздания, чужой окраинной галактики. Простой пехотинец, как Кадыров у Путина, но такой же коварный и опасный. Короче, растолкуй ей: немного равнодушия или взаимной ненависти только укрепит вашу любовь.

Но меня уже было не остановить.

— Люди не оставили попыток победить рак, Рая. В этом году Нобелевская премия по медицине присуждена американцу и одному япошке за разработку новых методов в лечении злокачественных опухолей. Эти двое «нашли оригинальный подход к терапии рака и показали, как различные стратегии подавления тормозов

иммунной системы могут быть использованы в его лечении», — парюсь я, цитируя нобелевское коммюнике...

Я вспомнил, как онколог на первом приеме говорил: бессмысленно стараться победить рак, нацеливаясь только на сами раковые клетки или клетки стромы. Надо пытаться разрушить опухоль в целом, разорвав взаимодействие между ее частями.

— Присудили, чтобы сохранить лицо, — решает Лиза поддержать РП. — Чтобы оправдать гигантские денежные средства, вкладываемые в решение нерешаемой проблемы... Смертность топчется на месте. Нет, даже молодеет и растет! Прорывных достижений никаких: каждый пятый мужчина, каждая шестая женщина — жертва опухоли.

— Согласна! — вмешивается Рая. — Только как объяснить ученым, которые до конца не понимают, с чем, а скорее с кем имеют дело, что их старания лишь совершенствуют убийственное ремесло моих сородичей. Так можно всем миром учить лошадь плавать на спине... Не зря говорят: «Даже очень хороший орнитолог не научит курицу летать».

Рая торжествует:

— Рак — эволюционный процесс, в ходе которого клетки накапливают мутации, обманывающие иммунные системы организма. Мутантные клетки более активно делятся, лучше выживают, оставляют больше потомства, являются более приспособленными, что ведет к быстрому прогрессированию опухоли и в конечном итоге смерти человека, потому как обманутые многочисленные иммунные предохранители не в состоянии распознавать опухолевые клетки, чтобы воспрепятствовать их росту. — Одноклеточное замолкает, собираясь передохнуть. Хотя чего

ей передышать? И, помолчав, переходит к финалу: — А присуждать Нобелевскую премию за это — все равно, что давать Героя Советского Союза Александру Матросову, который, поскользнувшись во время войны, упал грудью на фашистский дзот.

Я не заметил, как появился Паркер. Взмыленный, возбужденный, с разодранным ухом, с жутким запахом из подмышек, как у инсургента после провального мятежа, он встал передо мной, перегородив дорогу, и, помахивая сине-красным австрийским зельцем, попытался собраться с мыслями.

— Каждый человек... и конь тоже получает то, что хочет, — пришла на помощь Лиза. — А если получает то, чего не хочет, — значит, он хотел именно то, что получил... Значит, не дала подруга?

— Я никогда не прошу этого, а беру, как охапку свежего сена из яслей... Хотел заманить ее в луга.

— Возможно, у лошадей это в порядке вещей, — успокаивает Паркера Лиза. — Я вот тоже, как кони: даю кому хочу...

В таких содержательных беседах проходят наши прогулки по молу, построенному на деньги Европейского союза. На собственные деньги наша страна давно ничего не строит. И не потому, что жалко, — просто денег нет.

Прошли еще две дачные недели. Морской воздух, перемешанный с канифольным запахом сосен, и мясная еда делали свое дело. Я поздоровел, окреп, почти укротил прямую кишку, удлинив безопасное расстояние от горшка до одного километра. Сменил расплавленный свинец в мочевом пузыре на привычно теплую мочу. Подавил, насколько возможно, канцерогенные фобии, или просто многие дачники разъехались. Ста-

рался не прятаться от людей, хотя показаться без одежды не мог, как ни старался. Сам пугался собственного вида: посетители Освенцима держали бы за своего. Я не знал, что потеря десяти-тринадцати килограммов — очень много при нормальном весе в семьдесят три. А еще я все более понимал, что достигнутый успех целиком принадлежит хирургу, который исполнил свою партию у меня в животе, как блестящий теннисист на турнире АТР...

В один из таких благодатных дней случилось, почти по Лизе, то, чего я хотел меньше всего. Ничего не подозревая, привычно удерживая сфинктером содержимое кишечника, которое норвило всякий раз просочиться наружу, я двигался вместе с Лизой и Раисой Павловной по молу, держа Паркера за сырмятную уздечку с GPS на конце. Отставшая Лиза, она двигалась с каждым днем все медленнее и тяжелее благодаря заботам ревнивой Раи, наградившей ее гонитом (метастазом рака в коленный сустав), догнала меня и, задыхаясь, общила:

— У вас началось кровотечение из прямой кишки, сэр! Шорты на заднице пропитались кровью.

— There's the bloody mess. У генерала Ли перед смертью лосины на поле боя тоже пропитались кровью. Только спереди, — заметил инсургент Паркер.

— Твой генерал умер в постели от кровоизлияния в мозг, — поправила его Лиза.

А я уже их не слышал. И не видел ничего вокруг, потрясенный случившимся, которое воспринял болезненно и трагично, понимая, что коварная Рая трансформировалась в полноценную опухоль и заняла весь малый таз... и большой тоже, пустив корни в печень и легкие... и мозг. Но

теперь близкая смерть после всего пережитого казалась совершенно невыносимой и бездарной.

Я боялся умереть как никогда, несмотря на преклонный возраст, прямо на молу, в шортах, вымаранных кровью... А в голове вертелось что-то из Флавия, а может, совсем и не из него, и не успокаивало: «Одинаково трусливы те, кто не хочет умереть, когда надо, и те, кто хотят умереть, когда в этом нет надобности».

Идти от страха я не мог. Кое-как меня усадили на лошадь... Я первый раз в жизни сидел верхом на Паркере, в шикарном американском седле, держась за скользкую уздечку навигатора, стараясь не трусить и принять с честью надвигающуюся смерть.

Редкие дачники в теплых одеждах, из тех, что могли видеть нас, удивленно уступали дорогу, говорили что-то вслед, размахивая руками. А внутри, в воротах печени, суежилась и кричала продажная сука Раиса Павловна, поражая пронизательностью:

— Мудак! Без страданий жизнь невыносима. Кровит не опухоль! Опухоли нет. И метастазов нет. Кровит трещина в заднем проходе. Ерунда! Успокойся, мать твою! Считаю, поломал ноготь.

Но кто станет слушать, сидя верхом на лошади покойного генерала Ли, причитания одноклеточного?

Кровотечение, как оказалось позже, было действительно ерундовым — из трещины в области ануса, натертой постоянными гигиеническими упражнениями. Страх поугих, привычные сомнения в собственных способностях тоже. Я, кажется, поверил, что мне удалось выкарабкаться из опухолевой могилы благодаря стараниям... Тут я останавливал себя, потому как не мог пове-

рить в случившееся. Не мог легкомысленный флирт с Раисой Павловной остановить эволюцию опухоли в малом тазу, появление метастазов в жизненно важных органах, желтуху, головные боли, обтурацию просвета кишки... даже если это первая стадия, подтвержденная клинически...

Всю свою долгую жизнь я только и делал, что заблуждался. Заблуждался в выборе женщин, принятии решений в науке, хирургии, в бизнесе, выборе профессии, литературстве. Сексуальные и алкогольные заблуждения были наименее болезненными. Скорее, наоборот...

Нынешние заблуждения в отношении Раисы Павловны и нашего опухолевого романа были самыми мучительными. Иногда казалось, что по мне проехал велосипед, которым раскатывают асфальт, а на водительском сиденье, будто на поверхности печени моей, тусует маленькая РП...

Я вспомнил, как парил меня онколог при первой встрече: «У вас есть шанс... правда, мизерный, полностью излечиться... А если повезет, появится умение видеть то, что другим самим никогда не увидеть. Станете художником, как Ван Гог, или музыкантом... Сможете проникать в природу мироздания, и не только взглядом. Это значит...»

Я оглянулся вокруг: море, река, сосны, блюдца озер, мол, построенный на деньги Евросоюза, с аккуратными перилами из нержавеющей стали. Все как было как раньше. Но тут субтропическая зелень, как в Батуми, что росла вдоль мола, стала размываться и плыть, как плывет в жару пейзаж над асфальтом, медленно меняя цвета. Я вдруг вспомнил, что в Париже брат Ван Гога, о котором ничего не знал, притащил ему в подарок холст, натянутый

на подрамник. Я даже вспомнил размеры холста и запахи и как потом мучительно пальцем смешивал художник краски на палитре, чтобы получить этот тревожный пурпурный цвет зреющего винограда. И старался сохранить присутствие зеленого...

И вдруг понял, что это не картина «Красные виноградники в Арле». Я вижу виноградники живьем: так, как, может быть, видел их Ван Гог... А потом увидел свою любимую: «Спальню в Арле» — и впервые за несколько лет вспомнил, что всю жизнь мечтал заиметь собаку.

Единственный пес, что жил у нас в доме в мои студенческие годы и совершенно безумно был влюблен в меня, как не может быть влюблена в своего хозяина собака, трагически погиб... из-за меня. В то лето я отдыхал в Коктебеле. Родители улетели в Сочи, а домработница Манька до ужаса боялась пса, доброго, как старик Хоттабыч в младенчестве, и категорически отказывалась оставаться с ним одна. Мы решили оставить собаку на пару недель у соседей — в семье кагэбэшного полковника. И оставили...

Я вернулся домой через неделю ночью. За собакой идти было поздно. Следующий день был совершенно сумасшедшим... А вечером пришла кагэбэшная соседка в слезах и рассказала, что полковник только что был вынужден застрелить собаку. Пес сбесился и вел себя неадекватно. Всю ночь простоял в коридоре, воя и пытаясь головой проломить дверь. А утром удвоил усилия, но на пути встал «надоевший чекист», как в песне. И пес бросился на хозяина квартиры — полковника-силовика. И, наплевав на звание и заслуги перед отечеством, искусал его так, что скорая

отвезла мужчину в госпиталь. Перед тем как улечься на носилки, мстительный полковник достал пистолет...

— Ну, дальше вы знаете, — закончила соседка.

«Сдохну, но куплю собаку, — решил я. — И не стану бояться протестов родственников, их убийственных аргументов». И оглянулся окрест в надежде увидеть бесприютного пса, что подойдет сейчас и ткнется носом в ладонь... Все замерло. Прошла минута, другая. Паркер принялся бить копытом землю.

— Пошли, чувак, — потянула за рукав Лиза. — Сегодня день художника.

А по молу, увеличиваясь в размерах, мчался пес, болтая на ходу ушами и высунутым языком.

Я уже знал, что он удрал с картины Ван Гога «Собаки, бегущие по полю». Что это — короткошерстный рыжий бордоский дог. Что второй не сумел выбраться за пределы полотна и теперь скулил в одиночестве, скрытый высокой травой. А еще знал, что рыжий бордоский дог теперь мой. Что никому его не отдам до смерти... моей, конечно. До самой смерти, которая не за горами и грозит мне ежедневно, несмотря на благополучные анализы, неплохое самочувствие и заверения квантовой частицы Раисы Павловны, что здоров. Однако еще знал: эволюционирование опухоли может зайти так далеко в смысле обмана иммунной системы, что никакими исследованиями ее не обнаружить. Лишь тогда, когда замираешь от осложнений...

А Лиза с Паркером, которых я держал за «кое-что еще», были моей Армией спасения, хотя Паркер — чистый конь, закрутили роман, совершенно безумный, потеснив нас с Раисой Павловной на

обочину. Я заметил: чем быстрее эволюционировал Лизин рак сигмы, посылая метастазы во все органы, с тем большей энергией, даже жадностью, она занималась любовью. Странно, но меня их сексуальные старания совершенно не интересовали. Мои собственные тоже...

Жизнь, как и все вокруг, начала топтаться на месте в ожидании... Любопытно, чего я ждал? Короткой записки в почтовом ящике телефона неведомо от кого с единственным словом «здоров!»? Или появления метастазов, делающих непродолжительный остаток жизни невыносимым, Или сохранения неопределенности, что казалась наиболее мучительным сценарием для всех...

Женщина-онколог с серыми глазами и прямой спиной была недоступна из-за расстояний. Возможно, вместе с хирургом она тоже входила в Армию спасения, но не делала ее более многолюдной. А Раиса Павловна, которой можно было задать убийственные вопросы, замкнулась в себе, пребывая в состоянии такой бешеной ревности из-за романа Паркера и Лизы, что переговоры не предполагались...

Я тоже взял паузу и стал ждать, когда стану немощным и глупым или наоборот — перестану числиться раковым больным. А пока погрузился с головой в депрессию, и так глубоко, как глубоко может погрузиться женщина в беременность. Пребывая в состоянии эндогенной неопределенности, я решил больше времени уделять Рае, когда она, устав от ревности, придет в себя. А если не придет... или не устанет? Что тогда?

Рая живет со мной... во мне, бок о бок уже много месяцев. Я почти вошел во вкус, но никаких официальных заявлений,

гарантирующих блокирование опухоли или ее остатков, или просто раковых клеток от нее не поступало. Значит, все было напрасно, почти напрасно: fifty-fifty. Я понимал, что рассуждаю как безумец, но как я должен был рассуждать в компании Раисы Павловны, коня генерала Ли по имени Паркер и медсестры Лизы, умирающей от опухоли сигмовидной кишки. Эйнштейн заметил однажды про такое: «Если идея не кажется абсурдной, она безнадежна». Это успокаивало. Немного.

— Рая! — сказал я нежно по прошествии некоторого времени и повторил тезис о том, что живем бок о бок уже много месяцев и что пора наконец...

— Ну и что, что много месяцев, — среагировала Рая. — Многие живут так годами, прежде чем дать дуба. Это еще не повод...

— А что тогда повод?! — заорал я, презрев существующий между нами договор.

— Поводов нет. Ты уже большой мальчик, должен понимать. Лиза вот говорила, что даже читать выучился. — Раиса откровенно издевалась надо мной. — А тем, кто собрался следовать твоему примеру, я бы твердо сказала: не следуйте!

Я всегда был противоречив и иррационален в своей основе. Но тут мои способности к сценарному воображению обострились до предела. Речь шла о жизни и смерти. Моей смерти, моей жизни... Мне уже давно не надо было смирять гордыню и избавляться от ксенофобии.

— Пожалуйста, Рая! — принял я за старое. — Я всерьез рассчитываю на вашу благосклонность. Мои чувства гораздо сильнее, чем вам кажется. Говоря штампами, я прошел через все муки ада. Но чувства выдержали испытания, не угасли, не стали слабее.

Наоборот, я привязываюсь к вам все сильнее... Как бенефициарий удаленной опухоли, я держу свои обязательства. Держите и вы свои...

— Ты здоров. Слышишь, мать твою, суку! Здоров! — РП взгромоздилась на трибуну большого гостиничного конференц-зала и вещала оттуда на публику, артикулируя каждое слово, чтобы не было потом недоразумений с трудностями перевода. — В тебе нет раковых клеток, хоть верится в такое с трудом даже мне. Зато в организме зародились творческие способности... и не просто творческие, но граничащие с талантами великих мастеров. Ты свободен и не только потому, что стар и немощен. Ты справишься с искушениями и трудностями, потому как самый верный путь побороть них — трусость, которой у тебя хоть отбавляй. А еще, — одноклеточное помедлило, переминаясь на трибуне, — если наша с тобой технология не вылечит рак, то по меньшей мере гарантированно избавит от облысения... Я недавно узнала: на борьбу с этой заразой тратится не меньше средств, чем на лечение опухолей.

Это было уже слишком. Я не мог не ответить частице, понимая, чем рискую:

— Иногда корабль перестает тонуть, как только его покидают крысы...

— Хочешь, чтобы я покинула тебя?

Я не стал отвечать...

«Возможно, эффекты сюрреалистического взаимодействия современных методов лечения злокачественных опухолей и моих собственных попыток интегрироваться в этот процесс на стороне раковых клеток способны обеспечить сенсационный научный результат, — думал я, глядя, как колбасит РП на трибуне. — И тогда единство объекта и субъекта воплотится в общую “экзистенцию” — некую иррациональную реальность, в которой победа над опухолью уже не будет казаться чересчур сюрреалистичной. Об этом писал когда-то Сартр, хотя был здоров и имел в виду совершенно другое... Значит, невозможное возможно, хотя звучит нелепо, даже абсурдно», — торжествовал я. А потом на ум пришли строчки из Сомерсета Моэма: «У людей бытует чрезвычайно ошибочное мнение о своем

месте в природе. И эта ошибка неискоренима».

Я снова шел по молу, который был построен на деньги Евросоюза, и снова старался с помощью текстов структурировать свое послеоперационное бытие. В воздухе кружил мокрый снег, бесплатно ложась пластинами на непокрытую голову. Рядом семенил адаптированный бордоский бульдог-русифил Паскаль. Всякий раз, слушая русскую речь, даже тот пропагандистский вздор, что нес по вечерам ящик, он приходил в неопикуемый восторг, будто выкурил косяк, и начинал колбасить, пуская слюни и размахивая языком. Подружка Рая привычно паслась на одном из моих паренхиматозных органов, благосклонно щипля там траву. Слева, насколько хватало глаз, тянулись трехэтажные дачи. Справа, торжественно, будто Волга, текла мелководная Гауя с угрями и миногой в глубине. А вверх по течению плыл Паркер. На спине! А на животе, боком, будто в дамском седле, сидела Лиза и что-то кричала, размахивая руками...

г. Рига, ноябрь 2018 года

